

Лингвистический портрет фольклорного жанра (анекдот)

Анекдот оказался в центре внимания фольклористов сравнительно поздно, сначала привлек к себе внимание литературоведов, а лингвистов заинтересовал лишь в последние десятилетия¹.

Рассматривая фольклорный жанр с лингвистических позиций попробуем создать лингвистический портрет анекдота².

Мы намереемся осветить несколько вопросов: какова типология анекдота с лингвистической точки зрения; каково поведение собственных имен и имен с предметной семантикой в анекдоте; каково референциальное пространство жанра.

1. Лингвистическая типология анекдота

Традиционно типология данного жанра строилась на тематической основе, что отражало рубрикацию текстов в печатных изданиях³. В какой-то мере подобную классификацию можно назвать референциальной. Напомним, что под референцией понимают отнесение именных групп в высказывании к объектам действительности⁴. Так что для анекдотов о Чебурашке и Крокодиле Гене — в центре референциального пространства находятся носители этих имен, а для анекдотов о Пушкине, соответственно, — великий русский поэт. Однако подобная классификация не может быть последовательной, так как наряду с такими прозрачными случаями выделяются так называемые еврейские анекдоты и анекдоты об армянском радио. И в первом случае тип анекдота выделяется на основе этнической принадлежности главных персонажей, т.е. речь идет о классе объектов, а во втором — на основе вопросно-ответного способа подачи информации при обозначении только одного из участников ситуации — спрашиваемого.

При анализе материала мы исходим из того, что анекдот — речевое произведение, обладающее жесткой структурой.

Под жестко структурированным текстом мы понимаем такое речевое произведение, которое построено по определенной, известной

носителю языка и культуры схеме, воспроизводимой при порождении текста и формирующей набор пресуппозиций и ожиданий и узнаваемой при его восприятии и понимании. П.А. Бородин предложил данный термин для описания жанровых особенностей анекдота, выделяя общие и собственные жанровые пресуппозиции⁵. В данном случае мы, в отличие от расширительной интерпретации в работе П.А. Бородина, понимаем содержание термина «пресуппозиция» традиционно: «термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте»⁶. Но когда имеется в виду соответствие речевого произведения «жанровым ожиданиям», следует говорить о прагматической пресуппозиции: «предложение S имеет прагматическую пресуппозицию P, если при любом нейтральном (т.е. не демагогическом, не ироническом и пр.) употреблении S в высказывании говорящий считает P само собой разумеющимся или просто известным слушателю»⁷.

Анекдот, как любое высказывание, отражает некую внеязыковую ситуацию, в которой на уровне синтаксиса можно выделить предикат и его актанты (участников ситуации), как правило, связанные с предикатом грамматической связью и являющиеся, соответственно, субъектом, прямым и косвенным объектом, а также сирконстанты, выражающие обстоятельственные пространственные и временные отношения⁸.

В данной работе предпринята попытка построения лингвистической типологии анекдота.

Выделяя разные классы предикатов, Т.В. Булыгина описала их в виде дерева: по признаку «вневременности/эпизодичности» все положения вещей делятся на две большие группы: 1) качества; свойства (привычки, умения, род занятий) и 2) явления⁹.

Кроме этого, Т.В. Булыгина в другой работе в соавторстве с А.Д. Шмелевым высказала идею согласования типа референции актантных именных групп и предикатных выражений¹⁰. В их статье типы предикатов сведены к двум большим классам: квалитативным (характеризующим): *Маша — красивая* и эпизодическим: *Маша побледнела*. Квалитативный предикат называет постоянный признак, а эпизодические — временный.

В качестве ведущего признака названа локализованность предиката во времени. Без этой характеристики эпизодический предикат невозможен, и наоборот, характеризующий предикат, как правило, не локализован во времени¹¹. Авторы показывают, что именные группы в актантных ролях предиката могут относиться к разным типам экстралингвистических объектов: а) абстрактным классам: *Дети болеют*, б) объектам, которые взяты в отвлечении от конкретных пространственно-временных характеристик: *Дети наших соседей плохо воспитаны*, а также в) конкретным пространственно-временным срезам объектов: *Дети наигрались и заснули*¹².

Для описания типа референции именных групп Е.В. Падучева предложила термин *денотативный*, или *референциальный статус*. Под референциальным статусом имеется в виду, в частности, отнесение именной группы в высказывании к классу объектов (верблюд, страус) или объекту, известному говорящему и неизвестному адресату (кое-что); к объекту неизвестному говорящему (что-то) или еще не выбранному из ряда однородных объектов (что-нибудь)¹³.

Предикаты, локализованные в пространстве и времени, представляющие эпизодические действия, относятся к третьему типу актантов (по Булыгиной) (в). Введение в предложение специальных показателей, обозначающих повторяемость действия, например *бывало*, переводит референциальный тип именной группы во второй тип (б), который отвлечен от конкретных пространственно-временных показателей.

В основу нашей классификации типов анекдота мы положим несколько признаков: а) тип референции актантов, б) тип предиката, в) наличие особого модуса.

Термин *модус*, введенный Ш. Балли, означает субъективный компонент высказывания¹⁴. Мы понимаем под модусом способ представления ситуации. С нашей точки зрения, маркированным модусом в художественном тексте можно считать перцептивный, так как именно он приближает ситуацию к читателю (слушателю), делая ее зримой, представляя в виде «картинки».

По нашему мнению, типологию анекдота можно представить следующим образом: выделить законы, случаи, сцены, толкования.

В законах речь идет об абстрактных классах, которым приписываются нелокализованные во времени и пространстве качественные предикаты.

«Моются те, кому чесаться лень...»¹⁵.

«Две бутылки — достаточно, но три заманчиво»¹⁶.

«Западный менталитет ориентирован на результат. Восточный менталитет — на процесс достижения результата. Русский менталитет — на обмывание достижения результата»¹⁷.

«Мужчина пьет в трех случаях: когда плохо — от горя, когда хорошо — от радости и когда все нормально — от скуки»¹⁸.

«Идеал жены: красивая, сексуальная, глухонемая хозяйка винного магазина»¹⁹.

В законе может идти речь либо о явлении, которое имеет место всегда, либо о том, что происходит обычно, так как мыслится как регулярно повторяющееся. Предикат в таком тексте выражен глаголом в настоящем времени. Актанты в таком анекдоте, как правило, — классы объектов: в наших примерах — *мужчина*, *жена*. Показатель класса — возможная мена единственного числа на множественное, при которой не меняется смысл высказывания: *«Мужчины пьют в трех случаях: когда плохо — от горя, когда хорошо — от радости и когда все нормально — от скуки»*.

«Идеал жен: красивые, сексуальные, глухонемые хозяйки винного магазина».

В анекдотах-законах речь может идти не только о классах объектов, но и об объектах, которые взяты в отвлечении от конкретных пространственно-временных характеристик.

«Новая реклама “Интуриста”：“Приезжайте в Советский Союз, пока он не приехал к вам сам”²⁰».

Данный текст можно считать законом, действовавшим в определенный исторический отрезок времени, поскольку речь идет о повторяющемся, обычном явлении.

Таким образом, анекдот-закон объединяет два референциальных типа: классы и конкретные объекты, названные именами собственными (*Советский Союз*), которые «ведут себя» в похожих ситуациях одинаковым, типичным образом.

В анекдотах-случаях речь идет о локализованных во времени и пространстве ситуациях. Актантами в этом типе анекдота являются конкретные объекты, взятые в конкретных пространственно-временных координатах.

«Штирлиц шел на встречу со связным. Он сразу его узнал. В России опять быть перебои с мылом»²¹».

«Плейшнер проглотил ампулу и выпрыгнул из окна, чтобы она разбилась»²²».

«Штирлицу на плечо села муха. “Следят”, — подумал Штирлиц»²³».

Как правило, в анекдотах этого класса речь идет о единичных событиях и предикат выражен глаголом совершенного вида в прошедшем времени, однако иногда ситуация, которая имела место в прошлом, выражается с помощью глагольного предиката несовершенного вида прошедшего времени.

«Штирлиц порол чушь.

Ей было больно и она визжала»²⁴».

В анекдотах-сценах, в отличие от двух предыдущих типов, важен перцептивный модус. Причем говорящий воссоздает сцену не в репортажном режиме, знакомом любому носителю русского языка, в частности футбольному болельщику: *Иванов выходит к воротам, ловко обходит защитников, и — 2-0-0-0-л*. Подобное высказывание воспроизводит ситуацию, которая находится в поле зрения говорящего и синхронна моменту речи. В отличие от такого репортажного подхода модус мысленного взора представляет ситуацию иначе: а) или как принадлежащую вымышленной, воображаемой действительности, б) или как имевшую место в реальной действительности до момента речи, но при любой интерпретации а) или б) ситуация мысленного взора представлена как бы синхронно моменту речи — как если бы говорящий ее действительно видел. И именно к модусу мысленного взора обращается анекдот-сцена.

В отличие от других типов анекдотов сцены двухчастны: первую часть представляет собой монологический ввод от автора, а вторую —

диалог персонажей²⁵. В сцене предполагается семантическая связь между первой и второй частями. Монологический ввод может быть выражен по-разному, но самая распространенная форма — предложение с инверсией подлежащего и сказуемого, выраженного глаголом в настоящем времени.

«Просыпается ночью мужик от какого-то шороха. Видит — вор по ящикам шарит. Мужик ему:

— *Эй! Ты что ищешь?*

— *Деньги!*

Мужик, поворачиваясь на другой бок:

— *Ну-ну... Найдешь — разбудишь...²⁶»*

«Лежит пьяный мужик в луже, мимо проходит женщина.

Он:

— *Сама свинья!*

— *Мужчина, ну я же вам ничего не сказала.*

— *Зато подумала²⁷».*

В некоторых случаях при подобной инверсии в инициальной позиции сказуемое выражено глаголом совершенного вида в прошедшем времени, однако во второй части сложносочиненного предложения глагольное сказуемое отнесено к плану настоящего времени.

«Поймал мужик золотую рыбку, а она ему и говорит:

— *Отпусти меня, а то я тебе три желания испорчу.²⁸»*

В данном анекдоте во второй, диалогической, части опущена ответная реплика.

Изменение порядка слов в предложении, когда сказуемое предшествует подлежащему в анекдоте-сцене невозможно, если сказуемое выражено глаголами речи: *говорить, спрашивать, отвечать*. Подобные конструкции закреплены за волшебной сказкой, поэтому, если слушатель не имеет дела со сложным жанром, представляющим собой стилизацию анекдота под сказку, зачин *говорит командировочный жене* воспринимается как необычный и не присущий анекдоту.

«Людоед спрашивает у жертвы имя.

— *А вам зачем?*

— *Для меню.²⁹»*

Монологический ввод может быть выражен и назывными предложениями.

«Апрель. Лекция в медицинституте. Заходит препод, открывает окно, с наслаждением вдыхает весенний воздух.

— *Ах, весна-весна! Когда-то я был молод, у меня была девушка, но она меня бросила и ушла с моим другом. И я остался с носом. А мой друг — без носа... Итак, тема лекции: сифилис и его последствия.³⁰»*

«Латвия. Женщина выходит на крыльцо.

— *Шарик! Шарик!*

Молчание.

— *Шарик! Шарик!*

Молчание.

— *Шарикас! Шарикас!*

— *Гавс! Гавс!*³¹»

Существуют анекдоты этого типа, в которых монологический ввод опущен, слушатель «достраивает» его в своем воображении.

— *Товарищ, вы еврей?*

— *Нет, просто у меня лицо интеллигентное!*³².

«— *Какое у иностранцев первое впечатление о России?*

— *Хорошее... Скорее хочет домой!*³³».

Наконец, последний тип анекдота, который мы называли толкованием, разнообразен по формальной структуре. Чаще, на наш взгляд, это анекдоты об армянском радио. Отличие этого типа от анекдотов-сцен в том, что в толкованиях не предполагается перцептивный модус: слушатель не должен воссоздавать для себя зримого образа («картинки») происходящего.

Заметим — несмотря на то, что анекдоты об армянском радио формально можно было бы отнести к обширной тематической группе анекдотов об инородцах, это чисто формальное сближение. Анекдоты о грузинах, чукчах, евреях, эстонцах часто представляют собой сцены, а значит, включают диалог или реплику персонажа. При рассказывании этих анекдотов говорящий должен воспроизводить тот или иной акцент. Этот акцент — неотъемлемая составляющая анекдота-сцены. Анекдоты же об армянском радио не только не требуют такого разыгрывания по ролям, но при подобном предъявлении — с акцентом — воспринимаются странно.

Тип анекдота-толкования представлен тремя подтипами. В первом объектом толкования является: а) слово, б) ситуация, явление — или же в) выясняется различие или сходство между ситуациями или явлениями. Такие анекдоты включают инициальные вопросы: *Что такое?; Какая разница между ... и ...?*

Во втором подтипе выполняется неясный компонент ситуации [актант или сирконстант], причинно-следственные и условные связи явлений. Подобные анекдоты в качестве инициального вопроса могут иметь такие: *Почему...? Что будет, если...? Когда...?*

Следовательно, толковать можно как саму ситуацию целиком, предикат, возможность/невозможность совершения того или иного действия, так и актанты и сирконстанты предиката.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство: толковаться могут ситуации, имеющие статус вневременной закономерности в любых обстоятельствах, т.е. законы и ситуации, имевшие место в определенном момент времени в определенном месте, т.е. случаи. В этом смысле толкования демонстрируют универсальность.

К толкованиям можно отнести, прежде всего, вопросно-ответные анекдоты, устанавливающие тождество.

В лингвистической традиции описываются подобные предложения двух видов: номинативного и денотативного³⁴. В первом виде тожде-

ства устанавливается эквивалентность имен по отношению к одному и тому же объекту экстралингвистической действительности. Денотативное тождество устанавливается, когда «возникают сомнения относительно идентичности объектов, участвующих в разных положениях дел»³⁵. Н.Д. Арутюнова в качестве ведущей функции такого тождества называет идентификацию. «Суть предложений денотативного тождества заключается не в указании двуименности одного предмета, а в констатации того факта, что различные признаки или свойства (накопленная информация) имеют одного носителя»³⁶.

«Армянское радио спрашивают:

— *Что такое коммунизм?*

— *Наказание за социалистическую революцию»³⁷.*

«Армянское радио спрашивают:

— *Что такое революционная ситуация?*

— *Это когда верхи не могут, а низы не хотят»³⁸.*

Данные анекдоты представляют собой денотативное тождество, так как говорящий проясняет характер экстралингвистического объекта (явления). В первом из приведенных анекдотов дается толкование некоего явления через свернутую ситуацию, выраженную отглагольным существительным *наказание*. Во втором содержание термина объясняется через развернутую ситуацию, в которой говорящий выделяет актанты. В данном случае мы имеем случай осложненного толкования, которое имеет цитатный характер, отсылающий к статье В.И. Ленина, т.е. толкование дается «с чужих слов».

Денотативное тождество может быть создано в анекдоте-толковании, когда левый член назван именем существительным, оно может обозначать свернутую ситуацию, а правый член представлен развернуто: ситуация дается в развитии — в нескольких «эпизодах».

«— Что такое слухи?

— *Это то, что передало Би-Би-Си и опровергнуто «Правдой», а потом подтвердилось»³⁹.*

Номинативное тождество связано с разными наименованиями одного и того же предмета, явления, ситуации.

«— Как называется государственный гимн СССР?

— *Песня без слов»⁴⁰.*

Толковаться могут как сходства, так и различия, при этом разрушается ложное тождество:

«— Какая разница между публичным домом и бардаком?

— *Публичный дом — это заведение, а бардак — это система»⁴¹.*

В фокусе толкования может оказаться истинность высказывания.

«Армянское радио спрашивают:

— *Правда ли, что вы всегда врете?*

Армянское радио отвечает:

— *Мы всегда врем только чистую правду»⁴².*

Номинативное тождество «устанавливает эквивалентность имен как элементов кода по их способности к денотации»⁴³, т.е. по способности

обозначать один и тот же объект экстралингвистической действительности. Как указывает Арутюнова, номинативное тождество чаще устанавливается между собственными именами, но может включать и нарицательные существительные⁴⁴. В качестве примера этого типа тождества можно рассматривать анекдот:

«Армянское радио спрашивают:

— Как называется прическа Хрущева?

Армянское радио отвечает:

— Урожай 1963 года»⁴⁵.

Монологический ввод в анекдотах-толкованиях не является обязательным. Он может опускаться, но при этом сохраняется вопросно-ответная структура текста.

«— Что такое порядочный человек?

— Это тот, кто без нужды подлости не сделает»⁴⁶.

В приведенном ниже анекдоте толкованию подлежит один из актантов ситуации.

«— С кем граничит Советский Союз?

— С кем хочет, с тем и граничит»⁴⁷.

Выстраивая типологию анекдотов на лингвистической основе, мы получаем четыре класса текстов: законы, случаи, сцены, толкования. Выделим критерии, на основании которых построена данная типология: 1) актуализованность/неактуализованность предиката во времени и пространстве; 2) тип референциального статуса именной группы: а) класс, б) объект, который взят в отвлечении от конкретных пространственно-временных характеристик, в) конкретный пространственно-временной срез объекта; 3) наличие/отсутствие перцептивного модуса мысленного взора; 4) количество субъектов речи (один/ более одного). В отличие от других типов анекдоты-толкования не предъявляют жестких требований к первому, второму и четвертому критерию. Разумеется, между выделенными нами большими классами текстов можно обнаружить и промежуточные случаи: стилизации под зачин волшебной сказки, анекдоты-загадки, а, кроме того, утратив монологический ввод, анекдот-сцена может попасть в класс толкований.

2. Имена собственные в анекдоте.

Накладывает ли жанр анекдота ограничения на функционирование имен собственных, в частности антропонимов?

Само появление имени собственного в тексте предполагает существование его носителя, т.е. употребление антропонима имеет презумпцию существования. Вопрос в том, какому пространству принадлежит носитель имени.

«Анекдотические» антропонимы можно свести в три большие группы: а) реальные, б) мифологические (имена литературных, анимационных и кино- персонажей), в) собственно анекдотические.

К первой группе можно отнести имена политических деятелей — Ленин, Сталин, Брежнев, Андропов, Пугин — и некоторых литераторов — Пушкин.

«— Правда ли, что Андропов представлен к Нобелевской премии по физике?

— Не знаем, но вполне возможно, ибо он открыл, что скорость стука превышает скорость звука»⁴⁸.

Во вторую группу войдут: Наташа Ростова, поручик Ржевский, Вини-Пух, Пятачок, Холмс, Ватсон, Штирлиц. Особенностью антропонимов этой группы является их вторичный характер.

«— Что это за ужасный вой, Холмс? Собака Баскервилей?

— Нет, это сэра Генри кормят овсянкой...»⁴⁹

Антропонимы этой группы объединяет их интертекстуальность — их цитатный характер, привязанность к породившим их текстам.

Общей чертой, объединяющей две первые группы, является непреходящая прецедентность антропонима, т.е. известность его носителю русского языка и культуры⁵⁰.

Центральным именем в третьей группе будет имя *Вовочка*⁵¹. Данный антропоним принадлежит только миру анекдота, однако ведет себя неоднозначно. Корпус анекдотов о Вовочке представлен двумя подгруппами. Первая подгруппа — о мальчике, отличающемся плохой успеваемостью в школе, хулиганистостью и ранним сексуальным развитием.

«— Вовочка, ты чего мне грубишь? Отец я тебе или нет?

— Ну ты, папаня, и вопросыки задаешь! Откуда я-то знаю?!»⁵²

Вторая подгруппа анекдотов о Вовочке вовлекает в свою орбиту всех знаменитых носителей этого имени от В.И. Ленина до В.В. Жириновского и В.В. Путина. В этом смысле можно говорить о том, что в таких текстах антропоним *Вовочка* выступает как своеобразное местоимение.

Каким образом типология анекдота накладывает ограничения на функционирование антропонимов разных типов?

Меньше всего антропонимов в законах, устанавливающих типичные черты ситуаций, поэтому этот тип анекдота обращается к нарицательным именам, имеющим своими референтами классы объектов.

«Англичанин — имеет жену и любовницу. Любит жену..

Француз — имеет жену и любовницу. Любит любовницу.

Еврей — имеет жену и любовницу. Любит маму.

Русский — имеет жену и любовницу. Любит выпить»⁵³

В анекдотах-случаях, толкованиях и сценах встречаются антропонимы всех трех выделенным нами групп. Однако только в сценах можно наблюдать интересную закономерность, разделяющую субъектов речи на основании того, к каким антропонимам они обращаются.

Для анекдотов-сцен с двухчастной структурой (повествовательная + диалогическая части) существует такое распределение именованных: в рамочной конструкции «от автора» употребляются прецедентные, известные адресату антропонимы; в диалогической части употребляются типичные, привычные для адресата имена. Антропоним в диалогической части принадлежит не автору, а другому субъекту речи, пер-

сонажу. Можно говорить в этом случае об ином принципе наименования: выбирается типичное имя. Жена в анекдоте может быть *Люсей*, но не *Аней*, муж *Васей* или *Ваней*, но не *Мишей*. Начальник может быть *Иваном Ивановичем* или *Сан Санычем*, но не *Михашлом Федоровичем* и не *Павлом Павловичем*.

Персонажи, названные в рамочной конструкции нарицательными именами, в диалогической части получают привычные, с точки зрения носителей культуры, имена. Именами наделены: *грузин, еврей, немец, англичанин, американец, француз*. При этом выбор антропонима не свободен: оно должно быть типовым для адресата — *Джон, Мэри, Мари, Фриц, Абрам, Сарра, Гиви, Иван, Жан, Пьер*. Невозможно представить себе такие имена в анекдотах-сценах: *Джеремии, Роберт, Анатолий, Федор, Реббека, Барбара, Ванесса, Антуан, Ришар, Жерар, Жан-Поль*.

Некоторые персонажи в анекдоте-сцене, названные в рамочной конструкции нарицательными именами, принципиально не получают антропонимического «продолжения»: не имеют имени чукча и эстонец.

Таким образом, можно говорить о том, что анекдот проводит разделение между прецедентным и типичным антропонимом.

Форма именования фиксирована в обоих частях анекдота — и в рамочной конструкции, и в диалоге персонажей. В речи от автора *Вовочку* нельзя назвать *Владимиром*. Это позже в речи персонажей может выясниться, что это *В.И. Ленин* или *В.В. Жириновский*. *Чапаева* можно называть только по фамилии или по имени и отчеству *Василий Иванович*, но не полным *Василий* или уменьшительным именем *Вася/Васька*; его ординарца и его подругу называют только уменьшительными именами: *Петька* и *Анка*, но не *Петр* и *Анна* или *Аня* и *Петя*. Эти персонажи лишены фамилий и отчеств. Анекдот из Чапаевского цикла, построенный по иным правилам именования персонажей, воспринимается как странный.

«Петька со свежим «фингалом» бредет по улице. Фурманов навстречу:

— Что такое, Исаев? Идем сейчас в штаб к Чапаеву, разберемся с рукоприкладством!

Петька испуганно:

— Только не туда... Я только что с ним пробовал об этом говорить»⁵⁴.

Количество типовых имен в монологическом вводе «от автора» ограничено: прежде всего это *Вовочка*. Запрет на имя собственное в монологическом вводе анекдота-сцены нарушают также антропонимы *Рабинович, Абрам, Сара*, которые воспринимаются как типичные еврейские имена и фамилия.

«Рабинович звонит в КГБ:

— К вам, случаем, мой попугай не залетал?

На другом конце матерятся.

— Простите, я хотел сказать, на случай, если вы его найдете: я его политических взглядов не разделяю»⁵⁵.

Способность анекдота дифференцировать прецедентные и типичные имена и употреблять первые в инициальной позиции позволяет несколько иначе взглянуть на нарицательные имена, которые могут встречаться во всех выделенных нами типах анекдота. В сцене и случае их можно интерпретировать как локализованное в пространстве и времени, когда персонаж, названный нарицательным именем, действует в конкретной ситуации как представитель класса в рамках своего ампула.

3. Предметное имя в анекдоте.

Основным названием существительного с предметным значением является функция наименования объектов внешнего мира. Такие имена существительные можно разделить на несколько групп: лексика, называющая: 1) природные объекты; 2) вещи, созданные человеком, — артефакты; 3) организм живого существа, в частности человека; 4) части целого.

Предметное имя, относясь по-разному к экстралингвистическим объектам, может иметь различный референциальный статус. Наиболее предметно «населенным» оказывается, по нашим наблюдениям, тип сцены.

Анекдот дифференцирует и ранжирует предметы, выделяя один или несколько, помещая их в фокус внимания. Предмет, находящийся в фокусе внимания, может получать различную референцию, относясь в речи персонажей к разным классам и конкретным экстралингвистическим объектам.

«Мужик приходит домой. Жена ему говорит, что купила скалку.

— Нет, вы только полюбуйтесь на нее: в доме ни капли спиртного, а она на последние деньги мебель покупает»⁵⁶.

В данном анекдоте персонаж осуществляет неожиданное отнесение предмета к имени класса.

Предметное имя вовлекается в причинно-следственные отношения, не предусмотренные обыденной логикой, предметы становятся неожиданными объектами сравнения, как в анекдоте об автоматизированной системе управления (АСУ).

«— Какая разница между мини-юбкой и АСУ?

— Мини-юбка — это максимум информации при минимуме затрат, а АСУ — наоборот»⁵⁷.

При переходе предметного имени от одного субъекта речи к другому в анекдоте он может менять свой референциальный статус несколько раз.

«Приходит Вовочка из школы и говорит отцу:

— Мне двойку по биологии поставили.

Папаша:

— За что?

— Да спросили, у кого самые большие яйца.

— Ну, а ты?

- Я сказал, у верблюда.
- Правильно, а учительница?
- А она говорит, что у страуса.

Отец (задумчиво):

- У Страуса... так вот почему он медленные вальсы писал»⁵⁸.

В данном анекдоте существительное во множественном числе *яйца* последовательно обозначает половой орган самца животного, затем местоположение для зародыша птиц, а затем часть мужского полового органа. При переходе от реплики Вовочки к пересказанной реплике учительницы персонажи оперируют стилистически маркированным, сниженным значением имени *яйцо*, производным от *яичко*, и не фиксируемым словарями литературного языка. Показательно, что, когда отец с сыном обсуждают случившееся на уроке, речь идет о классах объектов — всех верблюдах или страусах как видах млекопитающих и птиц. Затем в реплике отца происходит изменение референциального статуса имени *яйца*, так как речь идет уже о конкретном, индивидуальном и личном объекте.

Еще одно семантическое изменение, которое претерпевает слово *яйца* в речи персонажей: движение от значения существительного, обозначающего неотъемлемую часть целого, к имени, называющему отделяемую часть целого, а затем существительное *яйца* вновь обозначает неотчуждаемую часть целого, но при этом меняется характер целого: сначала это млекопитающее (*верблюд*), затем птица (*страус*) и, наконец, человек, названный именем собственным. В речи персонажей одна лексическая единица «перемещается» из группы, называющей часть целого, в группу, называющую природные объекты. Сложность данного анекдота еще и том, что один из персонажей совершает коммуникативную ошибку именованя, неправильно называя австрийского композитора.

Итак, предметное имя в анекдоте различается по тому, находится ли оно в фокусе или нет. В первом случае, в отличие от второго, оно не подлежит замене. Имя, называющее предмет, находящийся в фокусе, способно менять свой референциальный статус, таксономическую принадлежность и получать разные семантические интерпретации.

4. Референциальное пространство анекдота

Вводя термин *референциальное пространство*, мы опираемся на работу А.Д. Шмелева, который оперировал близким, но не тождественным термином. «Любой фрагмент внеязыковой действительности может быть назван денотативным пространством. Для всякого языкового выражения, употребленного в речи, релевантным является то денотативное пространство, в котором фиксируется референт данного языкового выражения»⁵⁹.

В отличие от А.Д. Шмелева мы полагаем, что референциальное пространство определяется говорящим, субъектом модуса и жанровой принадлежностью текста. Под референциальным пространством мы

понимаем ту действительность, которую адресат текста может реконструировать на основании того или иного актуализованного высказывания (текста). Референциальное пространство а) организуется говорящим б) по отношению к экстралингвистической действительности в) с помощью того или иного языкового выражения⁶⁰.

Прежде всего, нам важно ответить на вопрос, как охарактеризовать референциальное пространство жанра анекдота по линии фикциональность/нефикциональность. Под фикциональностью имеется в виду принадлежность ситуаций, описываемых данным жанром, вымышленному, нереальному миру.

Мы солидарны с Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелевым в том, что анекдот фикционален⁶¹. Однако, сравнивая референциальное пространство разных жестко-структурированных текстов, например анекдота и волшебной сказки, мы обнаруживаем значительные различия в нем, если не вообще разные фикциональные пространства.

Если в волшебной сказке в референциальном фикциональном пространстве обнаруживается нарушение законов физики, наделение одушевленных, но неличных объектов, а также неодушевленных предметов способностью говорить, то миру анекдота присущи иные закономерности. Для того, чтобы интерпретировать их, введем производные от важнейших литературоведческих терминов *сюжет* и *фабула*, термины *сюжетность* и *фабульность*.

Фабула — «совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении»⁶² и сюжет — «те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них»⁶³.

Термины *фабульность* и *сюжетность* могут быть наполнены лингвистическим содержанием. Мы имеем в виду тяготение текста при отнесении его к некоей внеязыковой ситуации к тому, чтобы а) описывать эту ситуацию (фабульность) или б) осмыслять ее (сюжетность).

Не прибегая к данным терминам, об очень близких явлениях писала Т.М. Николаева: «Языковая передача действительности может быть чисто описывающей, рассказывающей о действительности, но может быть и обсуждающей эту действительность...»⁶⁴.

Фабульность в лингвистическом отношении связана с отражением внеязыковой действительности, что выражается акциональными предикатами и предикатами состояния, сочетающимися с субъектами (персонажами анекдота).

Сюжетность связана с речью: с модальностью, в частности с системой оценок, с неожиданной таксономией, коммуникативными неудачами субъектов речи — т.е. с интерпретацией ситуации.

Разумеется, в мире текстов нет четких границ, но в общем виде различие между референциальным пространством волшебной сказки и анекдота — это различие между фабульным и сюжетным текстом. Волшебная сказка отражает фантастический мир, построенный по иным законам, а анекдот неожиданно (и порой фантастически) осмысляет и

интерпретирует мир, законы которого узнаваемы адресатом в экстралингвистической действительности, не случайно морфология сказки обнаруживает высокую степень универсальности в разных культурах, а мир анекдота национально специфичен.

Сюжетный текст требует от адресата корреляции его фикционального пространства с экстралингвистическим. Поэтому в отличие от сказки анекдот подлежит датировке и может нуждаться в реальном комментарии.

«В мавзолей вошел иностранец и с ним грузин. Иностранец спрашивает, указывая на Сталина:

— Кто этот усатый?

Грузин отвечает:

— Это наш великий учитель, гений всех времен и народов товарищ Сталин.

— А этот маленький, рядом? — указывает иностранец на Ленина.

— Это его орден Ленина, — отвечает грузин»⁶⁵.

Данный анекдот, датируемый Д. Штурман и С. Тиктиным 1953 годом, актуален только в течение нескольких лет: 1953—1961 гг., когда тело Сталина находилось в Мавзолее⁶⁶.

Все вышесказанное не значит, что анекдот не способен создавать свое уникальное референциальное пространство, как, например, в цикле анекдотов о Штирлице⁶⁷. Но особенность данного цикла не в том, что в нем объекты функционируют иначе, чем в реальном мире, а в том, что они поименованы иначе. В лингвистическом смысле мир штрилицевского цикла — это мир новых наименований, мир омонимов и омоформов.

В то же самое время в ходе описания внеязыковой ситуации в цикле анекдотов о Штирлице меняется ее структура. Эти изменения могут происходить по линии актанта — предикат, актанта 1 — актанта 2, актанта — сирконстант.

«Штирлиц достал штопор и стал тыкать им в пробку. Пробка стала быстро рассасываться (Актанта 1 — актанта 2)»⁶⁸.

«Штирлиц пришел на конспиративную квартиру к пианистке.

Люди Мюллера следили за ним и застали его в самый горячий момент. Штирлиц выпрыгнул с пятого этажа. Мог бы погибнуть, но чудом зацепился за перила балкона второго этажа. На следующий день чудо распухло и мешало при ходьбе (Актанта — сирконстант)»⁶⁹.

В некоторых текстах наблюдается более сложное и многокомпонентное переструктурирование ситуации сразу по нескольким компонентам.

«Штирлиц бежал вприпрыжку. В «Припрыжке» его ждали вино, женщины и связник. Он зашел внутрь и первым делом решил снять китель. Но хохотушка Китель была уже снята кем-то из абвера»⁷⁰.

Можно говорить о том, что сюжетность анекдота определяет тип референциального пространства, а это, в свою очередь, — функционирование антропонимов и предметных имен в рамках данного жанра.

Примечания

⁶ Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллин, 1989; *Барский Л.А.* Как это делается // *Барский Л.А.* Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства. Анекдот: системный анализ, синтез, классификация. М., 1992. С. 6—64; *Хруль В.М.* Анекдот как форма массовой коммуникации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993; *Чиркова О.А.* Поэтика современного народного анекдота. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997; *Курганов Е.Я.* Анекдот как жанр. СПб., 1997; *Седов К.Ф.* Основы психолингвистики в анекдотах: Учебн. пособие. М., 1998; *Бородин П.А.* Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001; *Курганов Е.Я.* Похвальное слово анекдоту. СПб., 2001; *Лендваи Э.* Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 2001; *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.

² *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи.* Саратов, 1997. С. 144—153; *Вежбицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии // *Жанры речи.* Саратов, 1999. С. 112—132; *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // *Жанры речи.* Саратов, 1999. С. 133—145; *Федосюк М.Ю., Бакланова И.И.* Речевой жанр анекдота с позиций интерпретационной лингвистики // *Проблемы интерпретационной лингвистики.* Новосибирск, 2000. С. 143—154.

³ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992; *Словарь русских анекдотов.* Нижний Новгород, 1997; *Анекдоты от Михалыча.* М., 2004.

⁴ *Арутюнова Н.Д.* Референция // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 411—412.

⁵ *Бородин П.А.* Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота. М., 2001.

⁶ *Падучева Е.В.* Пресуппозиция // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 396.

⁷ Там же. С. 396.

⁸ Данная концепция восходит к работе. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

⁹ *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов.* М., 1982. С. 112.

¹⁰ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // *Вопросы языкознания.* 1989. № 3. С. 51—61.

¹¹ См.: *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики), М., 1997. С. 118.

¹² См.: Там же. С. 113.

¹³ См.: *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. С. 83.

¹⁴ *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001. С. 46.

¹⁵ Анекдоты от Михалыча. М., 2004. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Словарь русских анекдотов. С. 144.

- ²⁰ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 458.
- ²¹ Анекдоты от Михалыча. С. 352.
- ²² Словарь русских анекдотов. С. 354.
- ²³ Там же. С. 351.
- ²⁴ Там же. С. 483.
- ²⁵ *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот. С. 31.
- ²⁶ Анекдоты от Михалыча. С. 194.
- ²⁷ Словарь русских анекдотов. С. 154.
- ²⁸ Анекдоты от Михалыча. С. 277.
- ²⁹ Там же. С. 154.
- ³⁰ Словарь русских анекдотов. С. 236.
- ³¹ Анекдоты от Михалыча. С. 135.
- ³² Словарь русских анекдотов. С. 136.
- ³³ Анекдоты от Михалыча. С. 135.
- ³⁴ *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- ³⁵ Там же. С. 302.
- ³⁶ Там же. С. 305.
- ³⁷ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 164.
- ³⁸ Цит. по: *Барский Л.А.* Это просто смешно... С. 66.
- ³⁹ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 179.
- ⁴⁰ Там же. С. 24.
- ⁴¹ Цит. по: *Барский Л.А.* Это просто смешно! С. 97.
- ⁴² *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 540
- ⁴³ *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. С. 302.
- ⁴⁴ Там же. С. 303.
- ⁴⁵ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 240.
- ⁴⁶ Там же. С. 106.
- ⁴⁷ Там же. С. 406.
- ⁴⁸ Там же. С. 282.
- ⁴⁹ Анекдоты от Михалыча. С. 329.
- ⁵⁰ Термин *прецедент* применительно к фольклорным текстам впервые был употреблен Ю.В. Рождественским в послесловии к кн.: *Пермяков Т.Л.* От поговорки до сказки. Общая теория клише. М., 1970. Позже к нему обратился Ю.Н. Караулов в своей работе «Русский язык и языковая личность» (М., 1987). В последнее время прецедентным явлениям посвящены работы Д.Б. Гудкова и В.В. Красных. См.: *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999; Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М., 2004.
- ⁵¹ См.: *Белоусов А.Ф.* «Вовочка» // Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. М., 1996. С. 165–186.
- ⁵² Анекдоты от Михалыча. С. 61.
- ⁵³ Там же. С. 138.
- ⁵⁴ 5000 + 1 анекдот. Минск, 2000. С. 16.
- ⁵⁵ Словарь русских анекдотов. С. 132.
- ⁵⁶ Там же. С. 97.

- ⁵⁷ Там же. С. 493.
- ⁵⁸ Там же. С. 45.
- ⁵⁹ *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. С. 36.
- ⁶⁰ *Фролова О.Е.* Жестко структурированные тексты: модус и референция // *Rossica olomucensia XLII (ZA ROK 2003) 1 cast. Olomouc, 2004. S. 178.*
- ⁶¹ *Шмелев А.Д.* Русский язык и неязыковая действительность.
- ⁶² *Томашевский Б.М.* Теория литературы. Л., 1925. С. 137.
- ⁶³ Там же. С. 137.
- ⁶⁴ *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. М., 2004. С. 28.
- ⁶⁵ *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. С. 219.
- ⁶⁶ Мавзолей // Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 452.
- ⁶⁷ *Архипова А.С.* Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- ⁶⁸ Словарь русских анекдотов. С. 487.
- ⁶⁹ Там же. С. 23—24.
- ⁷⁰ 5000 + 1 анекдот. С. 240.